

Георгию Мокеевичу
МАРКОВУ — 70 лет

его неумные герои. Есть, кстати говоря, нечто глубоко символическое в том, что один из лучших, отмеченный родственным восприятием, портрет Максима Горького (он теперь находится в Союзе писателей СССР на ул. Воровского, 52) написал некогда Николай Шлейн, волжский живописец; на его полотне — человек, создавший в «Детстве» образ бабушки, один из пленительнейших в нашей литературе. Далее, Борис Ручьев — поэт огня — непредставим без Урала, стального и огненного, без дом-

сова о том, что могущество России будет прирастать Сибирью.

Бывают обстоятельства, в которых поистине все сходится, поистине «дышат почва и судьба».

В пятидесятых годах представители Геологического фонда появились в Томске — они искали Мокея Фроловича. Маркова, отца писателя, который, как оказалось, еще в начале столетия извещал о том, что, по его мнению, есть на берегах Чулыма ждущие открытия районы место-

— Я часто бываю в родных местах, — говорит Георгий Марков, — но таково уж свойство человеческой души — сколько бы раз ты ни приезжал сюда, сколько бы раз ты ни проходил по дорогам твоего детства и твоей юности, каждый раз волнение и тревога охватывают тебя, и ты чувствуешь, как это целительное прикосновение к родной земле словно обновляет тебя.

Периодику обошел снимок внушительного кирпичного здания библиотеки в родном селе Ново-Кусково — на ее строительство переведена писателем Ленинская премия за роман «Сибирь». Но этим заботы не ограничились. Занятый большой литературной и общественно-партийной работой, Георгий Мокеевич посылает в Ново-Кусково бандероли с книгами, даря землякам новинки литературы.

С высокой трибуны XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза Георгий Мокеевич говорил:

— Общеизвестно, что наша страна — самая читающая на всей планете. Тиражи книг и периодических изданий достигли колоссальных цифр. Такой интерес к печатному слову — свидетельство гигантского роста культуры, исторических завоеваний ленинской культурной революции. Всем этим мы по праву гордимся!

...«Молодая гвардия» выпустила из печати сборник публицистических выступлений писателя, обращенный к подрастающему поколению. В издательском предисловии к книге, названной «К юности», говорится: «Огромная общественная работа Георгия Маркова на посту первого секретаря правления Союза писателей СССР, депутата Верховного Совета СССР, члена Центрального Комитета Коммунистической партии обогащает его гражданское чувство публициста, дает ему новые и новые темы для выступлений. Читателю, особенно молодому, будет полезно знакомство с размышлениями писателя, все творчество которого направлено на воспитание нового человека, человека коммунистического общества. Г. М. Марков говорит о благодарности родной земле, о непреходящих духовных ценностях, пронесенных через века и ныне передаваемых в руки молодых, об ответственности перед своим временем и всем, что происходит. Проникновенная интонация и глубокая убежденность в торжестве нового, передового — важнейшие черты Георгия Маркова-публициста».

Книга необычайно интересна и разнообразна, и уверен, что ее прочтут с вниманием не только молодые. Мне же хотелось бы выделить нынче такое наблюдение автора: «Охотничья среда, в которой я родился, и была моей первой жизненной и художественной школой. Здесь у меня появилось особое восприятие живой речи, интерес к ней, интерес к жизни народа. И что бы я сейчас ни писал, я чувствую себя неотрывным от этой среды, среды моего детства... Один писатель жаловался мне, что у него много родственников в деревне, они приезжают к нему, отрывают от дела, а у него нет времени, чтобы чай с ними распивать. Я ему сказал: это счастье, если у вас есть такая родня, не жалейте для нее времени. Родня — это тоже народ».

Примечательно, что новый роман, публикуемый в настоящее время, носит заглавие «Грядущему веку». Как и у отца сибирской земли, как и у всей страны, устремленность в будущее составляет важную особенность творчества романиста, деятеля, человека.

ОБРАЗ
ЭПИЧЕСКОЙ
ЗЕМЛИЕвгений
ОСЕТРОВ

РОМАНЫ Георгия Маркова «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь», составляющие художественное единство, многонаселенны. В них живут и действуют сноровистые и решительные герои, полные сознания силы и душевной правоты. Они уверенно ходят по таежным тропам, они сродни рекам, разливающимся по весне, их глаза видят зорко, далеко и пронзительно. Вспомним, как в романе «Сибирь», хронологически продолжающем «Строговых», посвященном ссыльным революционерам-подпольщикам, охотникам и бывалым людям, думающим о том, чтобы сказочные богатства стороны Холодырь поставить в обществе будущего на службу народу, одна из героинь — Поля — встречает у яра, в трех шагах от воды, незнакомого ей человека, уходящего от облавы-погони, посланной в «запроточный лес» урядником. В этом, одном из наиболее драматически напряженных мест романа нас при встрече с беглецом сразу охватывает ощущение неодолимо спокойной, подчеркиваемой подробностями силы:

«Поля вздрогнула от испуга, не зная, что делать: закричать ли во всю мочь или опростеть кинуться назад.

— Здравствуй, девушка! — вдруг услышала она спокойный голос человека. И это спокойствие остановило ее... Грудь сильно вздымалась, из-под шапки-ушанки по вискам стекали струйки пота».

И сразу созревает и принимается почти бессознательно-безотчетно, но неодолимо и единственно верное решение — спасти ушедшего из Нарыма. Любимой ценой. Недаром у Ивана Акимова, совершившего побег по партийному заданию, подпольное имя — Гранит. Под стать Ивану Акимову — Граниты и окружающая природа, открывающаяся взгляду его во всей первозданной и могучей красоте: «Когда забрезжил поздний зимний рассвет, они встали на лыжи. Небо было все еще в звездах. Снег под лыжами не скрипел, как бывает в сильные морозы, а чуть посвистывал. Тишина сковала тайгу, и деревья стояли не шелохнувшись. Не успели они выйти из кедровника, как стало быстро светлеть, и серебро, в которое был окутан лес, заиграло багрянцем, озарились яркими, бегущими бликами». И далее перед нами — пробужденная рассветом земля, сверкающие живыми огоньками маковки кедров, уходящих в поднебесье: «Никогда в жизни Акимов не видел такого волшебства. Он смотрел на происходившее молча, не понимая пока, откуда у природы берутся в это студеное утро краски, чтобы так стремительно преображать безмолвную тайгу». Прекрасное здесь не только во внешнем — оно в душе героя.

О чем бы ни писал Георгий Марков, главный и постоянный герой его романов — Сибирь, земля эпическая, одаряющая богатырской силой тех, кто по праву ощущает себя ее полноправным и полновластным хозяином. Именно ему принадлежат слова, ставшие крылатыми, о том, что Сибирь с ее неисчислимыми богатствами — счастье нашей страны. В этом изречении гордость сибиряка сливается с удовлетворением человека, мыслящего в государственном масштабе, помнящего, что отчая земля — цельный организм.

Всегда необыкновенно важны «географические пристрастия» писателя. Максима Горького нельзя даже помыслить без Волги, без вольной волжской речного простора, который так любят

ны-матушки среди степей у горы Магнитной. Читатель легко пополнит этот перечень, вспоминая героев любимых книг и их авторов.

Георгий Марков — сын Сибири, эпической земли, имеющей славные литературные традиции, связанные с художественными именами, вспоминаемыми им постоянно, на протяжении десятилетий. Среди имен первым должен быть назван Вячеслав Шишков, чей пример для Георгия Маркова навсегда сохранил свою притягательность. Известность Вячеслава Шишкова не ограничивается в Сибирь пределами письменной словесности, имя его окружено здесь народными преданиями и бывальщинами, его помнят как неутомимого ходячиха-исследователя. Я никогда не видел Вячеслава Яковлевича, любит повторять Георгий Мокеевич, но голос его, голос подлинного народного художника, я слышал всегда — он и сейчас звучит неустанно, как живой. Не сомневаюсь, что эти слова с удовольствием вслед за Марковым повторили бы многие из нынешних мастеров слова, чье мнение не расходится с читательским. Ведь и поныне автор «Урюм-реки» и «Емельяна Пугачева» — один из самых читаемых-почитаемых в народе писателей.

Пример и эстетическая норма редко носят умозрительный характер — они итог естественно-го развития. Можно даже сказать, что не столько тему выбирает художник, сколько тема обретает того, кто органически сумеет вплотную ее в слово. Кроме того, речь идет не просто о литературных пристрастиях. В Вячеславе Шишкове романиста пленила деятельная позиция создателя, чья литературная биография и разнообразны изыскательские труды достойны восхищения и подражания. Георгий Мокеевич даже обмолвился однажды, что, по его глубокому убеждению, Вячеслав Шишков достоин того, чтобы стать героем романа. Проезжая Чуйским трактом — позднее об этом было рассказано читателям, — писатель думал о том, что изыскательскую работу парад прокладкой дороги здесь вел Вячеслав

Шишков — работа потребовала большого умения и инженерного таланта.

Обаяние родной стороны и художественный опыт предшественников естественно дополняются современной писателю литературной средой, той обстановкой, в которой ему приходится жить и действовать. Не могу нынче не вспомнить распахнутые двери гостеприимной московской квартиры Ефима Николаевича Пермитина, чьи «Горные орлы» и охотничьи рассказы (их одобрял Михаил Шолохов) вошли в многогранную Сибириаду современности. Собирались охотники и рыбаки, любители ночевки у костра, приезжали писатели из Сибири, сходились московские сибиряки, и конца не было устным пермитинским рассказам о тайге, о старом и новом, об охотничьих происшествиях и, разумеется, о литературе, о стариках и молодых, еще только пробующих перо. Недаром сибиряками в шутку пермитинское жилье именовалось московской избой сибирского приказа. Отсюда в большой мир уходили многие рукописи молодых, получив своего рода путевку в жизнь. Вспоминается характерный случай.

— Рукопись сибиряка, — восхищенно рассказывал Пермитин, — передал мне Георгий Марков. Попросил прочесть — потом-де обменяемся мнениями. Открыл я роман — и не мог оторваться, даже не помню, сколько часов над толстенной рукописью просидел. Читаю и вижу, как сияет над страницами морозное таежное солнце. А язык героев — упоение, слово — скатный жемчуг, руками хочется потрогать. Дай-ка, думаю, порадою Георгия Мокеевича; позвонил, а он в ответ смеется: знал, говорит, о твоей душевной широте — не можешь не порадоваться таланту.

Совсем недавно я как-то спросил Георгия Мокеевича, помнит ли он этот случай.

— Как же, как же, — ответил Марков, — Ефим Николаевич звонил мне в три часа ночи...

И, помолчав, добавил:

— Сокровища Сибири неисчислимы, но таланты среди этих богатств — на паром месте. Не устаю повторять слова Ломоно-

рождения сизинца и сырья для получения ртуты. Его уже не было в живых, но существовало семейное предание о том, как Мокей Фролович ходил вместе со ссыльными питерскими студентами-революционерами в поисках полезных ископаемых по Причудью...

В событии легко усмотреть один из бесчисленных случаев, связанных с освоением сказочных подземных богатств Сибири. Но писатель, чьи детские годы прошли на Среднем Чулыме, увидел в этом нечто куда более серьезное. Ведь отношение сыльных к изучению, исследованию и использованию природных богатств страны — огромный, исторической важности вопрос, ибо за ним — будущая программа по преобразованию страны. Вот еще когда занималась заря строительной горячки, охватившей сибирские земли в совсем иную эпоху!

В последние годы, когда так обострился интерес к познанию прошлого, возникло много повестей, романов, фильмов, обращающих внимание на внешние стороны былого, связанные с романтикой революционного подполья, с героическими победами из отдаленных мест, со всевозможными остроусложными действиями. А ведь было и много другого — черновая работа, упорная борьба, мысли о будущем, о созидательной деятельности, в том числе и первые практически шаги, связанные с поиском полезных ископаемых, которые, конечно, должны были пригодиться народу-победителю в будущем.

Еще Анатолий Франс отметил, что жизнь в больших городах возбуждает интерес к деревне. Собственно, это было всегда. Но у наших писателей — многие из них родились и выросли в селах или маленьких провинциальных городах, имеющих полусельский быт, — носит характер гораздо более глубокий, чем, скажем, простое припоминание поры, связанной с младенчеством. Тут и ощущение кровного родства с земляками, и заинтересованное вникание в местные дела, и счастливая возможность проследить судьбы людские (ведь каждого знаешь не понаслышке!) на большом отрезке времени...